

УДК 82'396+ 81'42

ББК 81.2(Рос)

С. Н. Стародубец,

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»,
ул. Бежицкая, д. 14, 241036 г. Брянск, Россия*

О. В. Белугина,

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»,
ул. Бежицкая, д. 14, 241036 г. Брянск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБРЯДА «ПРОВОДЫ РУСАЛКИ» НА ТЕРРИТОРИИ БРЯНСКО-ГОМЕЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-01006
«Этнографические и лингвокультурологические особенности обрядового фольклора
брянско-гомельского пограничья»

Аннотация: Статья посвящена исследованию структуры и семантики обряда «Проводы русалки», который и в настоящее время функционирует на территории брянско-гомельского пограничья. Рассмотрены два региональных варианта восточнославянского «обрядового текста» — русский и белорусский. Русский региональный вариант обряда воспроизведён методом интервьюирования респондентов, постоянных жителей села Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области, белорусский — методом видеофиксации проведения обряда и методом интервьюирования респондентов, постоянных жителей села Усохская Буда Добрушского района Гомельской области. Установлено, что структура обряда и в настоящее время носит традиционный архаический характер, семантика обряда спроецирована двумя составляющими: акциональным значением «проводы» и мифологическим образом «русалки» — духа водной стихии и поля. Отмечено, что амбивалентность образа русалки связана с его восприятием восточными славянами одновременно как «созидательного» и «разрушительного» духа. Описано символическое значение обряда, представленное как «оберег от несчастья», «защита от вредоносного воздействия насекомых и птиц», «моление о дожде», «проводы духа в мир невидимый с целью донести до Бога все прошения людей».

Ключевые слова: мифологическое представление, обряд, русальная неделя, символическое значение, амбивалентность.

Дата поступления статьи: 09.07.2016

Информация об авторах:

Светлана Николаевна Стародубец — доктор филологических наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Ольга Владимировна Белугина — старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». E-mail: obelugina@mail.ru

Семицко-русальная обрядность, которая восходит у всех восточнославянских народов к общеславянской традиции, с течением времени видоизменялась. Национальные особенности преломлялись в региональных версиях, интерпретациях базовых обрядов.

Истоками дошедших до наших дней остаточных фактов русальной обрядности являются древние мифологические представления о духах водной стихии и поля, которые в эксплицированном виде и в настоящее время сохраняются в большей степени на территории Беларуси, такими, как полудница и полевик: «Як аграрна-анімістычны дух эманация вегетатыўна-прадукавальных патэнцый стыхій прыроды, а таксама як тэмпаральны персанаж траецка-купальска-пятроўскага часу, русалка карэліравала з іншымі земляробчымі міфалагемамі і найперш — з вобразамі-персаніфікацыямі палявых раслінных локусаў»; «Толькі русалка ўвасабляе гранічна-пераходную каляндарную семантыку ўсяго траецка-купальска-пятроўскага часу, а палудніца і палявік — лакальную сутачна-часавую гранічную пераходнасць, звязаную з уяўленнямі пра найбольшую дзённую актыўна сонца менавіта апоўдні» [7, с. 54–55].

В общеславянской духовной культуре, как известно, веское значение придавалось русальной неделе, которая следует за Троицей и называется также гряной, с обязательными заключительными проводами русалок, имевшими такие архаические элементы, как ряжение девушки русалкой, изгнание русалки в рожь, массовый характер обряда с пением, грохотом, игровыми элементами [1, с. 501–503].

По представлению древних славян, именно накануне Троицы русалки покидали свои владения под водой и переселялись в кроны зелёных деревьев, и потому их даже можно было заметить на ветвях или в поле.

В эту неделю нельзя было купаться, так как считалось, что русалка может зацекотать и утащить в воду.

Поверья о русалках и в настоящее время сохраняются на территории брянско-гомельского пограничья.

«Каўда на Троіцу русалку насілі, мы ў дэ́тстве, мы по́мним, пры́талісь ў до́ме, о́кна зашто́ривалі бе́лым, пачи́му-то бе́лым, про́стынямі, і мы патсма́трывалі. У нас дом на прыго́рке быў, а яё ня́слі, на́ряжа́лі і ўде-та ў жы́це яё бра́лі, из жы́та ня́слі. Руса́лку изабража́ла жэ́нщина с валаса́мі. Ня́слі яё на насі́лках, на ка́кіх се́на но́сяць, каўда ў ко́пны но́сішь, вру́чную, каўда ка́сілі. Жэ́нщина далж́на бы́ць памало́жэ. Ана́ сиде́ла на насі́лках, ў бе́лам, во́ласы распу́щены, сря́дінка насі́лак пу́стая, но́уі свэ́шаны. Её́ ня́слі чэты́ре му́шчыны. Ли́ца ні бы́ло ві́дна, ана́ ў́ся бы́ла ў валаса́х. Яё́ бра́лі, как у нас называ́лі Леса́прарэ́х — нача́ла дере́ўні. Пранасі́лі яё́ че́риз ўсе́ сяло́. Нильз́я бы́ло патсма́трыва́ць, но де́ти ўсе́ равнó патсма́трыва́лі. А патóм, каўда́ яё́ пранасі́лі, де́ти выбя́ўалі і следóм биж́алі, а каўда́ то́лька вна́сілі ў сяло́, ў до́ме пры́талісь і патсма́трыва́лі. Затем яё́ вына́сілі за дярэ́ўню. А ка́кой аб́рят там бы́ў, я ужэ́ ня по́мню» (Записано от Анны Павловны Ващекиной, 1927 г.р., с. Спиридонова Буда, Злынковский р-н, Брянская область, РФ).

«Лічылася, што ўвечары нельга хадзіць купацца, бо русалкі могуць зацягнуць у ваду (Запісана ў в. Усохская Буда Добрушского района ад Ярмошкінай Матроны Сцяпанаўны, 1938 г.н.)» [6, с. 146].

«На Тройцу нельга было ехаць ці ісці цераз жыта, бо русалкі нападуць і зашчакочуць. Тады, каб спасціся, нада нарысаваць на зямлі крэст, абкружыць і стаць у круг (Запісана ў в. Салтанова Рэчыцкага р-на ад Кляцоўскай Марыі Іванаўны, 1935 г.н.)» [6, с. 146].

Л. Н. Виноградова, автор словарной статьи «Русалка» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого, отдельно описывает обряд «Проводы русалки»:

В южнорусских областях на востоке украинско-белорусского пограничья по истечении “русальной недели” совершался ритуал символического выпроваживания или изгнания Р. Он назывался *проводы* / *вождение русалки* или, реже, *налить русалку* (бел. гомел.), *топить русалку* (укр.), *гнать/прогонять русалку* (рус. рязан.), *хоронить русалку* (рус. рязан., воронеж.), *закопывать русалку* (бел. гомел.), *топтать русалку* (рус. смол.). У русских обряд чаще всего происходил в воскресенье Русальной недели или в первый день Петровского поста.

В некоторых местах русалок “проводили” в Клечальную субботу накануне Троицы (тул.), в Духов день (астрахан.), во вторник на Русальной неделе (рязан.), в день заговенья на Петров пост (саратов., рязан.).

В восточном Полесье ритуал приурочен к первому понедельнику Петрова поста. Обряд представлял собой шествие по селу или выход за пределы села группы участников, которые сопровождают ряженого, именуемого русалкой [4, с. 500–501].

Что касается хрононима, то его семантика определена этимологически: «*Русалка*, *Русальная неделя* — русские; *Росальница* — белорусы, *русалье* — сербы и черногорцы; *русальские святки* — словенцы; *росалия* — греки; *русале*, *русалии* — румыны и молдаване; *русальда* — чехи и словаки и т.д. В этих названиях очевиден единый индоевропейский корень со значением “светлый”, “ясный”, “русый”, который в первую очередь характеризует пик солнечного года — время солнцестояния» [10, с. 248].

В работе Л. Н. Виноградовой «Русалки в полесских верованиях и обрядах» в подразделе «Цветочное имя русалки» подчеркнута и связь наименования с древним «поминальным обрядом возложения роз на могилы безвременно скончавшихся людей, <...> зафиксированном в первых веках н.э. в Итальянских областях, в Балкано-Дунайском регионе и на северо-западе Малоазийского региона» [5, с. 197]

Как отмечает Л. Н. Виноградова, «<...> в пределах Полесья он (т. е. обряд “Проводы русалки” — пояснение наше. — С. С., О. Б.) локализуется в его восточной зоне (значительная часть Гомельской области с захватом пограничных районов Брянской, Черниговской, Житомирской областей), а за пределами Полесья — в границах южнорусских областей (Рязанской, Тульской, Тамбовской, Саратовской, Пензенской, Воронежской). По территориальному охвату этот обряд признается преимущественно южнорусским» [5, с. 167].

Символическое значение русальских обрядовых действий в традиционной русской национальной культуре достоверно представлено в работе Г. Я. Сысоевой [8, с. 43] и определено как: 1) подаяние от каждого двора во время обхода «напоминает нам древние пожертвования и сегодня воспринимается как оберег от несчастья»; 2) связь обряда с культом весенней растительности и праздником Иваном Купалой; 3) «сила русалки воскресает в стеблях злаков»; 4) моления о дожде для окончательного созревания зер-

новых культур; 5) «в похоронах-разламываниях русалки у ржаного поля отразилось поклонение ржи как древнейшей зерновой культуре»; 6) действие в форме «изгнания-похорон нечистой силы, которая приписывается русалке» — результат поздних трансформаций.

Помимо этого, «в мифологизированном сознании образ Русалки аграрного ритуала воспринимался причастным к возрождению сил природы и покровительствующим участницам русальских игрищ как продолжательницам рода, что наиболее ценилось в образах и символах традиционной картины мира. <...> Таким образом, наряжаясь “в русалки” и на время воспринимая себя “русалками”, все словно ощущали свою связь с силами житного поля, дающего жизнь, силами льняного или конопляного поля, дающего одежду, с вечерней зарёй — временем, когда провожали русалку, и многим другим, чего мы уже никогда не узнаем и отчего души людей от поколения к поколению оскудевают всё явственнее» [10, с. 252].

Опишем структурную и семантическую составляющие Троицкого обряда «Проводы русалки», функционирующего на территории брянско-гомельского пограничья. Названный обряд действительно является ярким специфическим фактом весенне-летнего фольклора и Брянщины, и Гомельщины. Со стороны Брянской области он функционирует в Злынковском районе, граничащем с Беларусью; со стороны Гомельской области — в Добрушском районе, граничащем с Россией.

Временем проведения обряда является Троицкая неделя, однако в селе Усохская Буда Добрушского района — это воскресенье «грязной» недели, время заговенья на Петров пост, в селе Спиридонова Буда Злынковского района — это вторник «грязной» недели (хотя в селе Рогов Злынковского района также в воскресенье).

Сохранившиеся до сегодняшнего дня среди местных жителей Восточного Полесья мифологические представления о русалках, как духах водной стихии и поля, подтверждают разнообразные версии относительно происхождения русалок. Действительно, наиболее распространёнными являются верования в то, что русалки — это души некрещёных детей, утонувших от несчастной любви девушек. «Все свидетельства акцентируют внимание на факте, что русалками становились в основном девушки и дети, т. е. умершие преждевременно, “до срока”, и гораздо реже — в результате насильственной смерти. <...> Категория тех покойников, которые умерли в молодом возрасте, <...> считалась — по народным представлениям — особенно опасной, поскольку именно такие умершие становились “ходячими”, т. е. посещали живых, тревожили их, пугали, могли навредить» [3, с. 92].

Необходимо отметить, что образ русалки в полесских поверьях имеет амбивалентный характер: с одной стороны, русалок боялись, их задабривали, с другой стороны, с ними связывали надежды на хорошую урожайность зерновых культур [9, с. 110–114].

В работе Л. Н. Виноградовой «Мифологический аспект полесской “русальной” традиции» подробно описан полисемантический характер образа русалки, установлено, что амбивалентность определена следующими составляющими: с одной стороны, связью с «нечистью, опасной и вредоносной силой»; с другой стороны, «с вегетативным культом, с растительностью, берёзой, с идеей плодородия и урожайности» [3, с. 92].

Обратимся непосредственно к фактическим записям.

Наиболее подробные сведения об обряде проводов русалки записаны нами в деревне Усохская буда Добрушского района, так как и в настоящее время обряд продол-

жают достоверно функционировать фактически, а не воспроизведён только по воспоминаниям респондентов.

До сегодняшнего дня сохранился обычай проводить русалку всем селом с участием молодёжи и людей старшего поколения. Особенности русальной обрядности в селе Усохская Буда являются такие элементы, как выбор русалки, ряжение в русалку и юноши, и девушки (исполнителей «прикрепляют» друг к другу верёвками и с головы до ног обвязывают ветками берёзы и ольхи, украшают цветами, лицо также закрывается зеленью), обход с русалкой подворий и проводы её в жито, «разбирание» русалки (ветки берёзы, которыми украшали русалки, относят на огороды, чтобы медведка не ела ни капусту, ни свёклу).

26 июня 2016 г. такой обряд был записан авторами статьи на видеоносители и диктофоны.

Как отмечает Валентина Павловна Аверченко, заведующая клубом, 1962 г.р., постоянный житель села: *«Абряд такой у нас праводицца после Троицы на следующей неделе. Сабіра́ница маладе́ж, іду́т на кра́й ся́ла, убіра́ют руса́лку ве́тками. Лама́ют ве́тки бярэ́зы і альхі́, украша́ют цвета́мі. Пато́м вяду́ць па ўлі́це. Іду́т па ўлі́це, і ка́да во́зле двара́ стая́т жы́тели, ані́ де́лают пакло́н, пры́лаша́ют к сябе́, што́бы прісаеді́нялісь і шлі́ да́льше. Пато́м іду́т і паю́т пе́сню: “// На ўрыно́й неде́ле / Руса́лки сідэ́лі. / Ой ра́на, ра́на / Руса́лки сідэ́лі...//”. Ка́да выво́дзя́т на кра́й ся́ла, пато́м ужэ́ яе́ разбіра́ют. Э́ти ве́тачкі забіра́юць жы́тели дамо́й і ста́вят в а́гаро́ды. Э́та азнача́ит, што́ е́слі ані́ на а́гаро́де паты́ркыва́юць, значі́т ні бу́дут мядвё́ткі е́сть, аб’еда́ць. Е́щэ́ азнача́ет, што́бы бы́л лу́чшы уража́й. Вот ка́да не́т даждя́, мы про́сим у Бо́га, што́бы бы́л лу́чшы уража́й. Пато́м ужэ́ нача́наю́цца та́нцы, іу́ра́я ўармо́нь, ўсе́ вися́ляцца. Упрыо́жыю́ць хло́нца і дя́ўчы́ну, ка́лі ні палу́чае́цца, та́да адну́ ілі́ то́лька хло́нца. Ка́да ані́ пабуду́ць руса́лкамі, дя́ўчы́на і хло́нци, то́ яны́ мо́гуць за́муш выхо́дзяць, і так савпа́да́ла, што́ за́муш выхо́дзяць. [Когда возник обряд?] Вазні́к о́чень даўно́, ка́да я ішчэ́ ма́ленькай бы́ла. В саве́цкая ўре́мя ні забраня́лі. То́лька в адно́й дзярэ́ўне. Ра́ньшэ́ бы́ла і в Андрэ́йўке, убіра́лі руса́лку. І у нас. Ані́ ілі́ наўстрэ́чу адна́ адно́й, і ўжэ́ та́да разбіра́лі. Бы́вала тако́я, што́ жані́лісь, хто бы́лі руса́лкамі. Руса́лку ані́ іш уво́дзя́т ў жы́та. Старэ́йшыя жані́цыны ўа́вора́т: «Калі́ прывя́дуць руса́лку, Ні іды́це ў жы́та, Там руса́лка сіді́ць».*

Тамара Павловна Михейцева, 1960 г.р., бывшая заведующая клубом, в дополнение к сказанному подчёркивала: *«К руса́лке ні патпу́ска́лі. То́лька пат ру́чки вяду́т руса́лку па́друшкі. Руса́лке на́да бы́ла по́чести атда́ць, паклані́цца в атвэ́т. Ўсе́ўда убіра́лі руса́лку на захо́де со́лнца, по́сле каро́ў, да те́мнаўа [*до вечера]. Ка́да разбіра́лі руса́лку, пе́лі: “// Прывя́лі руса́лку / В злё́нае по́ле. / Сні́мем з руса́лки / Злё́нае уо́лье. / Аtpу́стим руса́лку / В чі́стае по́ле, / Што́б даі́ла руса́лка / Да са́маўа Бо́га. / Па́прасі́ла у Бо́га / Жы́та да пшані́цы. / Жы́та да пшані́цы, / Зялё́ную тра́віцу, / Тра́віцу зялё́ную, / Жы́зеньку вясе́лую”. // Ка́да разабра́лі руса́лку, ве́тачку абя́зательна ў́зяць. Ўсе́ іш на́да паўты́каць. Бярэ́за — э́та жы́знь на́ша. Асі́на — э́та ат ў́сякай не́чисти. Альха́ — э́та што́б за́муш де́ўке пайт́і, а хло́нцу па́жані́цца».*

Пелагея Дорофеевна Моисеенко, 1926 г.р., отметила: *«Калі́ не было́ даждэ́й, ба́бушкі по́сле Руса́лля бра́лі плу́х і вакру́у дзярэ́ўні ва́зілі. І до́ждь по́йдя».*

Зафиксированный обряд является ярким свидетельством того, что и в настоящее время архаические верования и представления восточных славян обусловлены мифологическим сознанием, способом освоения мира посредством воспроизведения глубинных связей между реальным и духовным (ирреальным).

В селе Спиридонова Буда Злынковского района Брянской области от респондентов: Грищенко Валентины Ивановны, 1940 г.р., Шкарубо Марии Тимофеевны, 1939 г.р., Байчук Таисии Михайловны, 1948 г.р., получена следующая информация об обряде «Проводы русалки»: *«На ўрянóй русáлку вóдять пóсли Трóицы ва втóрник. Ўсеудá прáзнавали на Трóицу. Наряжáли русáлку в лахмóтьях. Наряжáли баевóю жыницiну. Анá атжсыуáя крапiвай дятéй. Аní тада́ бяу́ць»*; *«Пóсле Трóицы на ўрянóй русáлку вóдять. У нас была́ ў сяле Трóицкая цэркаў, там щас стаiт Паклóнный крест. Вясёлую, баевóю жэ́ницiну наряжáли ў лахмóтьях, и крапiвы натýркають ўсякáй, штоб ни ууа́дали. А дэ́ти тада́ убяу́ають. Мы идём, пэ́сни паём: “// На ўрянóй нидéле / Русáлки сидéли. / Не рáна, русáлки сидéли, у-у-у. / Паведём русáлку ат бóру / да бóра – ра. / Не рáна, / ат бóру да бóру у-у-у. / Пастáвим русáлку да вниз у́алавóю – ра. / Не рана, / да вниз у́алавóю, у-у-у./ Тут тибé, русáлка, / Тут тибé сидéти – ра. / Тут тебé сидéти – ра, / варабьёў стэрéчь //”*. Ана бéуаиць, аджису́ая ўсё, стрыкая. <...> Русáлку вяду́ць ў пóле. Ана ўсё сбóрсила ў жы́те. Снимáеть ўсё и качáицца».

Финальная часть приведённой песни имеет варианты. В более ранних записях (2006–2007 гг.) от респондентов: Грищенко Валентины Ивановны, 1940 г.р., Кирейко Тамары Филипповны, 1944 г.р., Апанасенко Полины Андреевны, 1943 г.р., Шкарубо Марии Тимофеевны, 1939 г.р., Веселко Марии Викторовны, 1950 г.р. и др., — записан был следующий вариант концовки: *«// Не рáна / пше́нiцу стэрéчи у-у-у / пше́нiцу стэрéчи / варабьёв пугáти — ра / Не рана варабьёв пугáти у-у-у //»*.

Ключевой частью обряда является его заключительная часть, которая фиксируется и самим наименованием, т. е. «проводы».

«Главной целью обряда считалось выведение “русалки” за пределы села. Её вели в ржаное поле, на кладбище, к реке, к лесу или “за село”, “на шлях”, “к мосту” и т.п. Там “русалку” символически уничтожали или прогоняли: таскали в жито, к костру, в воду, снимали с неё ветки и др. атрибуты ряженья, бросали их в воду, в огонь, в поле, за кладбище, и все участники быстро убегали обратно, в село» [4, с. 501], при этом «обмен жизненной силой был взаимообойдным: силой обновления и плодоношения насыщалась русальская рубаха, но и ржаное поле, рожь получали в свою очередь необходимую энергию от исполнительниц ритуала» [10, с. 251].

«Общая семантика обряда “проводов” может быть возведена к идее изгнания, выпроваживания, избавления от русалки (когда ритуальный период её сезонного пребывания на земле считался закончившимся)» [3, с. 129].

Таким образом, специфика современного функционирования обряда «Проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья сформирована следующими составляющими:

- обряд проводится на *Троицкой/грянной/русальной неделе*, которая следует за праздником христианской Троицы, во вторник или воскресенье;
- двуплановостью семантики: акциональным значением «проводы» и мифологическим значением образа русалки как духа водной стихии и поля;
- амбивалентность связана с двойственным восприятием образа русалки восточными славянами, т. е. с его созидательным (дух растений, зелени) и разрушительным (дух мёртвых) значением;
- структура обряда носит традиционный характер и включает следующие компоненты: ряжение, проход через всё село, «разбирание»/«выпрываживание»;
- символическое значение обряда является проекцией структуры и семантики всего «обрядового текста» (термин Т. Б. Банковой [2]) и определено как: «оберег от не-

счастья», «защита от вредоносных насекомых (медведки), птиц (воробьёв, в песне «На грязной неделе»), «моление о дожде», «проводы духа в мир невидимый с целью донести до Бога все прошения людей, связанные с благополучием и урожаем».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Агапкина Т. А.* Русальная неделя // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 / отв. ред. С. М. Толстая. С. 501–503.
- 2 *Банкова Т. Б.* Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 6–19.
- 3 *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1986. С. 88–133.
- 4 *Виноградова Л. Н.* Русалка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 / отв. ред. С. М. Толстая. С. 500–501.
- 5 *Виноградова Л. Н.* Русалки в полесских верованиях и обрядах // *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. С. 141–195.
- 6 *Прыкметы і павер'і Гомельшчыны:* укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца, уступныя артыкулы. Аўтары-складальнікі В. С. Новак, А. А. Кастрыца. Гомель: Барк, 2007. 224 с.
- 7 *Сівіцкі У. М.* Карэляцкі міфалагемы русалкі: русалка і духі палявых раслінных локусаў // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Полесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Гомель, 31 мая 2013 года / гал. рэд. А. А. Станкевич. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. С. 54–56.
- 8 *Сысоева Г. Я.* Русалки «ведутся» на подарки // Человек и наука. Воронеж: ЗАО ИД «Комсомольская правда», 2002. № 9. С. 41–43.
- 9 *Традиции материальной и духовной культуры Восточного Полесья:* Проблемы изучения, сохранения и развития в постчернобыльское время: Монография / науч. ред. Д. Г. Линн. Гомель, 2003. 167 с.
- 10 *Тульцева Л. А.* Заговенье на Петров пост: этнокультурное наследие русских в образах утушки, костромы, русалки-коня // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. И. В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 237–262.

*Svetlana N. Starodubets,
I. G. Petrovsky Bryansk state University,
Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russia*

*Olga V. Belugina,
I. G. Petrovsky Bryansk state University,
Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russia*

THE PECULARITIES OF THE RITE OF “FAREWELL TO MERMAID” ON THE TERRITORY OF THE BRYANSK-GOMEL FRONTIER

Acknowledgements: The article is supported by Russian Foundation for Humanities, grant № 15-24-01006 “Ethnographic, linguistic and cultural specifics of ritual folklore of Bryansk- Gomel frontier.”

Abstract: The article is devoted to the study of the structure and semantics of the ritual “Farewell to the mermaids,” which currently operates on the territory of the Bryansk-Gomel frontier. We considered two regional variants of the East Slavic “ritual text”—Russian and Belarusian. Russian regional version of the ritual is reproduced through the interviews with respondents, permanent residents of the village of Spiridonova Buda of Zlynka district of the Bryansk region, Belarusian one — by the method of shooting the ceremony and the interviews with the respondents, permanent residents of the village Osofsky Buda, Dobrush district, Gomel region. It is established that to the present day the structure of the rite has a traditional archaic character, the semantics of the ritual is projected by two components: subject-predicate meaning “farewell” and mythological image of the mermaid — spirit of the waters and fields. It is noted that the ambivalence of the image of mermaid is connected with its perception of Eastern Slavs as “constructive” and “destructive” at the same time. The paper describes a symbolic importance of the ceremony, representing protecting charm warding off disaster as well as “protection from harmful effects of insects and birds,” “prayers for rain,” “farewell of the spirit to the invisible world with the aim to get to God all the petitions of the people.”

Keywords: mythological representation, ritual, mermaid week, symbolic value, ambivalence.

Received: July 09, 2016

Information about the authors:

Svetlana N. Starodubets — DSc in Philology, Professor of the department of socio-economic sciences and humanities, I. G. Petrovsky Bryansk State University. E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Olga V. Belugina — Senior Lecturer in socio-economic sciences and humanities, I. G. Petrovsky Bryansk State University. E-mail: obelugina@mail.ru

REFERENCES

- 1 Agapkina T. A. Rusal'naia nedelia [Mermaid week]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary], ed. N. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2009, vol. 4, ed. S. M. Tolstaia, pp. 501–503. (In Russ.)

- 2 Bankova T. B. Profannoe i sakral'noe v tekste sibirskoi svad'by [The profane and sacred in the text of the Siberian wedding]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Biulleten' operativnoi nauchnoi informatsii "Obriadovoe slovo kak iazykovoi i kul'turnyi fenomen: status i regional'naia spetsifika"* [Bulletin of Tomsk state University], 2006, no 112, pp. 6–19. (In Russ.)
- 3 Vinogradova L. N. Mifologicheskii aspect polesskoi "rusal'noi" traditsii [Mythological aspect of the Polesye "mermaid"'s tradition]. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Dukhovnaia kul'tura Poles'ia na obshcheslavianskom fone* [Slavic and Balkan folklore. The spiritual culture of Polesye against all-Slavic background], ed. N. I. Tolstoi. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 88–133. (In Russ.)
- 4 Vinogradova L. N. Rusalka [Mermaid]. *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary], ed. N. I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ, 2009, vol. 4, ed. S. M. Tolstaia, pp. 500–501. (In Russ.)
- 5 Vinogradova L. N. Rusalki v polesskikh verovaniakh i obriadakh [Mermaids in Polesye beliefs and rituals]. Vinogradova L. N. *Narodnaia demonologiya i miforitual'naia traditsiia slavian* [Folk demonology and mytho-ritual tradition of Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000, pp. 141–195. (In Russ.)
- 6 *Prykmety i paver'i Gomel'shchyny: ukladanne, sistjematyzacyja, tjekstalagichnaja praca, ustupnyja artykuly* [Folk sayings and beliefs of Gomel region: attachment, filing, textological study, introductory articles]. Awtary-skladal'niki V. S. Novak, A. A. Kastyca. Gomel, Bark Publ., 2007. 224 p. (In Belorussian.)
- 7 Sivitski U. M. Kareliatsyi mifalagemy rusalki: rusalka i dukhi paliavykh raslinnykh lokusaŭ [Correlations of mermaid's mythologem: mermaid and the spirits of fields and plants loci]. *Tradycyji materyial'nai i dukhoŭnoi kul'tury Uskhodniaga Palessia: problemyv yvuchennia i zakhavannia ŭ post-Charnobyl'ski chas* [Traditions of material and spiritual culture of East Polesye: problems of studying and preservation in post-Chernobyl times]. Materyialy IV Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi. Gomel', 31 maia 2013 god, ed. A. A. Stankevich. Gomel, GDU imia F. Skaryny Publ., 2013, pp. 54–56. (In Russ.)
- 8 Sysoeva G. Ia. Rusalki "vedutsia" na podarki [Mermaids are falling for presents]. *Chelovek i nauka* [Man and science]. Voronezh, ZAO ID "Komsomol'skaia pravda" Publ., 2002, no 9, pp. 41–43. (In Russ.)
- 9 *Traditsii material'noi i dukhovnoi kul'tury Vostochnogo Poles'ia: Problemy izucheniia, sokhraneniia i razvitiia v postchernobyl'skoe vremia* [Traditions of material and spiritual culture of East Polesye: Issues of study, preservation and development in postchernobyl times], ed. D. G. Linn. Gomel, 2003. 167 p. (In Russ.)
- 10 Tul'tseva L. A. Zagoven'e na Petrov post: etnokul'turnoe nasledie russkikh v obrazakh utushki, kostromy, rusalki-konia [The eve of the fast of the apostles: the Russian ethno-cultural heritage in the images of "utushka" (duck), kostroma, mermaid-horse]. *Russkie: etnokul'turnaia identichnost'* [Russians: ethno-cultural identity], ed. I. V. Vlasova. Moscow, IEA RAN Publ., 2013, pp. 237–262. (In Russ.)